

МБУК «ЦСДБ г.Брянска»
Детская библиотека №
5

БАЖО ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ

глазами дочери
Ариадны Бажовой - Гайдар

2019

27.01. 1879 -03. 19. 1950.

Двадцать пять лет я прожила рядом с моим отцом - Павлом Петровичем Бажовым, для меня удивительным и непростым человеком. "Малахитовой шкатулки" представляют себе ее автора мудрым сказочником с седой бородой - уральским дедушкой Слышко. Это вполне объяснимо - ведь автором книги, принесшей ему известность, Бажов стал в шестьдесят лет.

Отец любил вспоминать свое детство. Особенно те десять лет, что прошли в Сысерти. Семья была дружная, трудовая. Единственного ребенка хотя и не баловали - это, как видно, не было принято в заводской среде, - но окружали любовью. Мать, Августа Степановна, была человеком очень мягким. Отец, Петр Васильевич, хотя и слыл резким и неуживчивым, но сына любил.

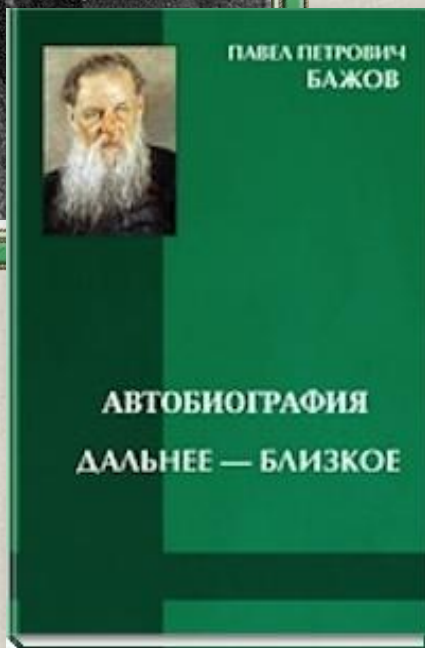
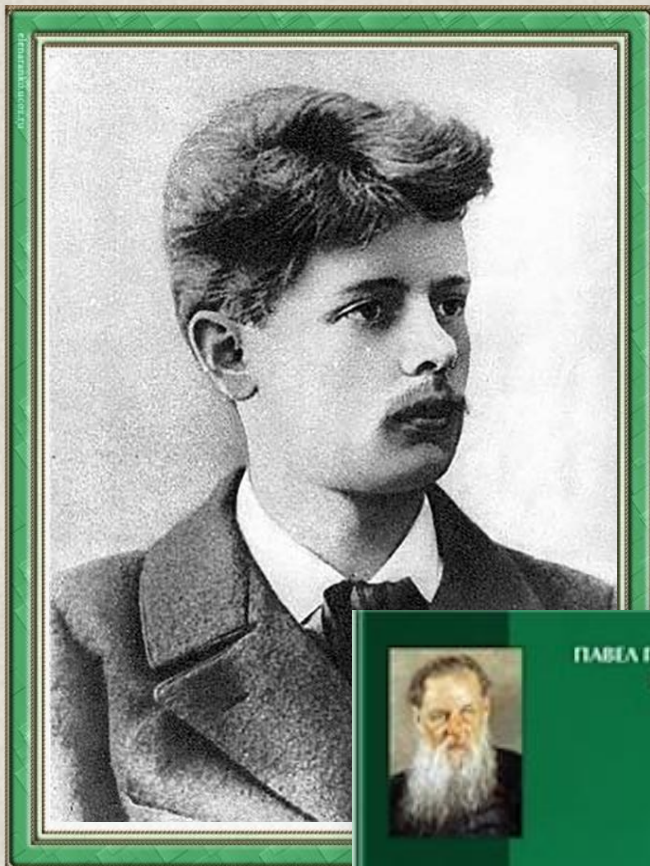

Учеба, чтение книг постепенно открыли перед ним мир более широкий и интересный, чем тот, который он знал и который кончился дальним берегом пруда, поскотиной и синеющим вдали лесом. Он узнал, что на свете существуют дальние страны, большие города, перед ним открылся прекрасный мир поэзии.

- Если бы не Пушкин, я бы так и остался заводским пареньком с четырехклассным образованием, - рассказывал отец. - Впервые получил томик Пушкина на довольно тяжелых условиях - выучить его наизусть. Библиотекарь, наверное, пошутил, но я отнесся к делу серьезно. Учить было довольно трудно, вспоминал отец.

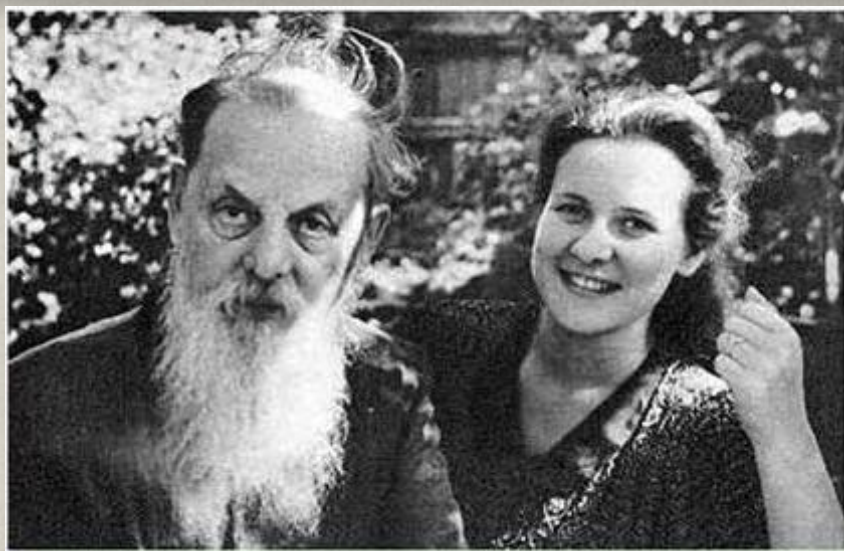
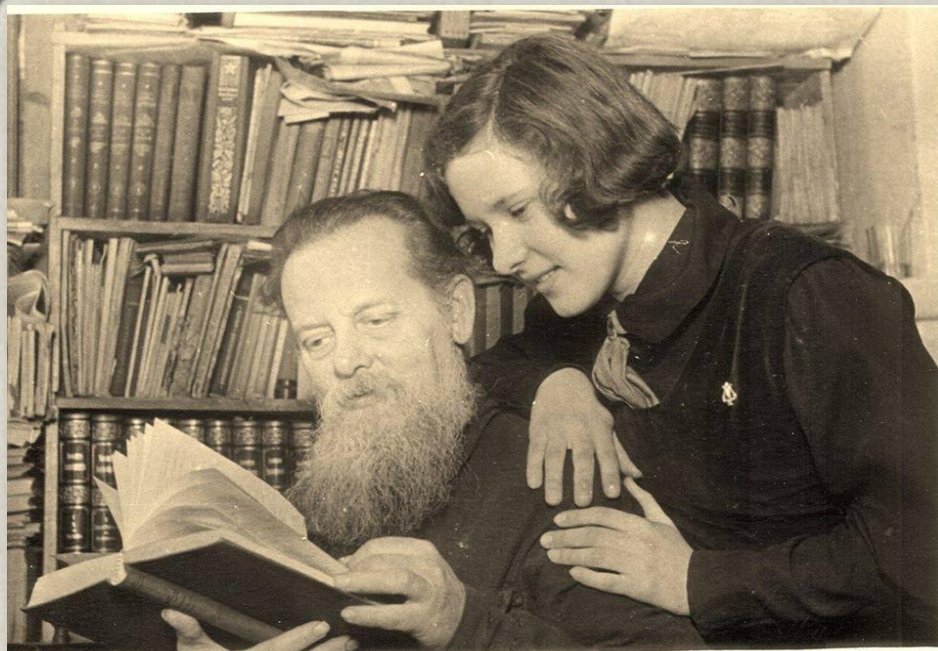

А потом, - рассказывал отец, - Пушкин помог мне получить образование. Приехал в Сысерть из Екатеринбурга ветеринарный врач и известный краевед Н. С. Смородинцев, ему рассказали о способном мальчике из рабочей семьи, который "всего Пушкина на зубок знает".

О своей учебе в Екатеринбург-Свердловске, о встречах с людьми отец рассказал в автобиографической повести "Дальнее - близкое".

Я была последним, седьмым ребенком в семье. У меня было очень счастливое детство. Оно не омрачалось ни чрезмерной строгостью родителей, ни ссорами в семье, ни одиночеством, ни обидами со стороны сестер и братьев. В доме был отец, хотя казалось, что он ни во что не вмешивается и всеми нашими заботами руководит мама. Он всегда был самым тихим человеком в семье. Никогда не кричал, не командовал, не шумел, не распоряжался.

В годы моего детства отец работал ответственным секретарем и заведующим отделом писем "Крестьянкой газеты". Помимо своей основной работы в "Крестьянской газете" он выполнял еще множество разных поручений.

И все это плюс к тому ежедневному потоку крестьянских писем, о котором отец говорил как о реке, насыщавшей его знаниями, обогащавшей его творческую мысль.

Жили мы в Свердловске, на углу улиц Детский городок и Болотная (ныне Чапаева), в том доме, где сейчас музей Бажова.

Дом строился еще до революции на учительское жалованье, в кредит. Сейчас дом стоит на том же месте, но потерялся среди больших домов, стал казаться маленьким, а в дни моего детства вокруг стояли такие же деревянные дома в зелени садов.

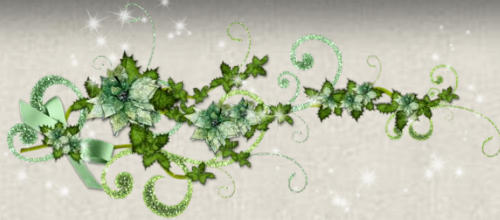
Моя память выхватывает из прошлого летний жаркий день 16 июля 1936 года. В нашем саду, как будто специально к серебряной свадьбе родителей, зацвела липа... Когда обо всем переговорили, съели пироги и выпили чай, отец с таинственной и смущенной улыбкой вынес из дома простую ученическую тетрадь с пушкинским Лукоморьем на обложке, исписанную ровным, аккуратным почерком бывшего учителя русского языка и чистописания, и прочел нам глуховатым голосом, смущенно покашливая, сказ "Медной горы хозяйка".

Хорошо помню, как впервые поехала в Сысерть с родителями, на родину моего отца. Я наконец увидела любимые им края, рассказы о которых слышала с самого раннего детства.

...Наше короткое лето в Сысерти осталось в моем сознании дорогим и светлым воспоминанием. Оно приблизило меня к отцу, научило любить и восхищаться природой - ее живыми разнообразными красками. Эталонами красоты стали для меня на всю мою последующую жизнь сосновый лес, прогретые солнцем пригорки, чистые тихие пруды Среднего Урала.

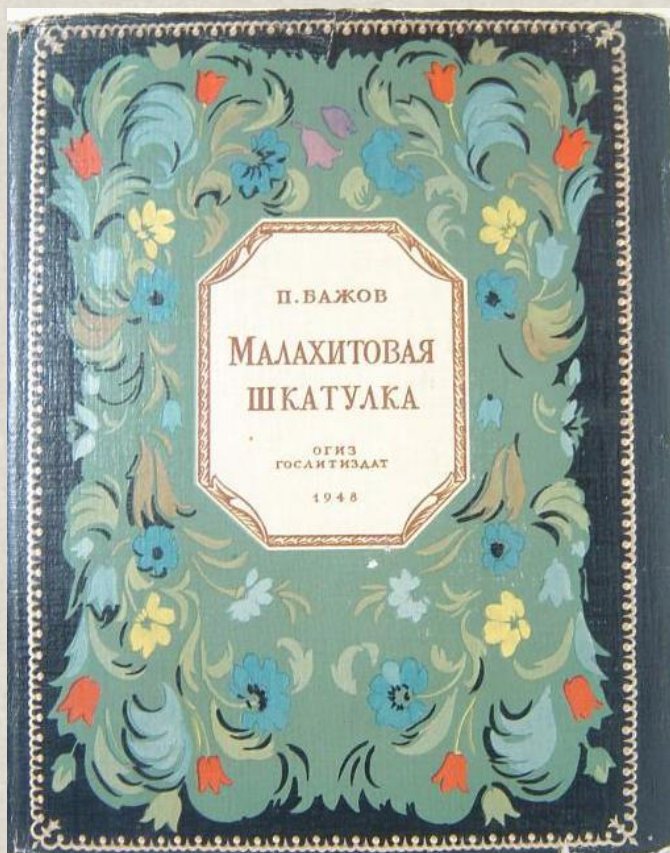

Умение все знать о своих близких было удивительной особенностью отца. Он всегда был больше всех занят, но у него хватало душевной чуткости быть в курсе забот, радостей и огорчений каждого.

А был он в те годы очень занят. Теперь, спустя много лет, я перелистываю пожелтевшие документы - свидетельства жизни моего отца в те годы.

Признание и известность пришли к нему исподволь. 28 января 1939 года, в день шестидесятилетия отца, его друзья - журналисты, писатели и издатели - преподнесли ему драгоценный подарок - первый экземпляр первого издания "Малахитовой шкатулки", еще пахнувший типографской краской. Потом их было много, красивых и некрасивых, богатых и скромных, цветных и черно-белых, на многих языках мира. Но эта первая книга с дедушкой Слышко на обложке навсегда осталась для отца самой дорогой. На подаренном мне тогда экземпляре книги еще очень четким отцовским почерком написано: "Моей маленькой дочерёнке - Ридчёнке".

Во время Великой Отечественной войны с фронта стали приходить к нему письма, в которых бойцы и офицеры подтверждали, что книга нужна, что в сказках утверждаются лучшие национальные черты русского человека - могучая жизнеспособность, ум, трудолюбие, талантливость, стойкость характера.

В 1942 году в Москве печаталась "Малахитовая шкатулка", которой суждено было оказаться в руках людей не только в дни мира, но и во время войны.

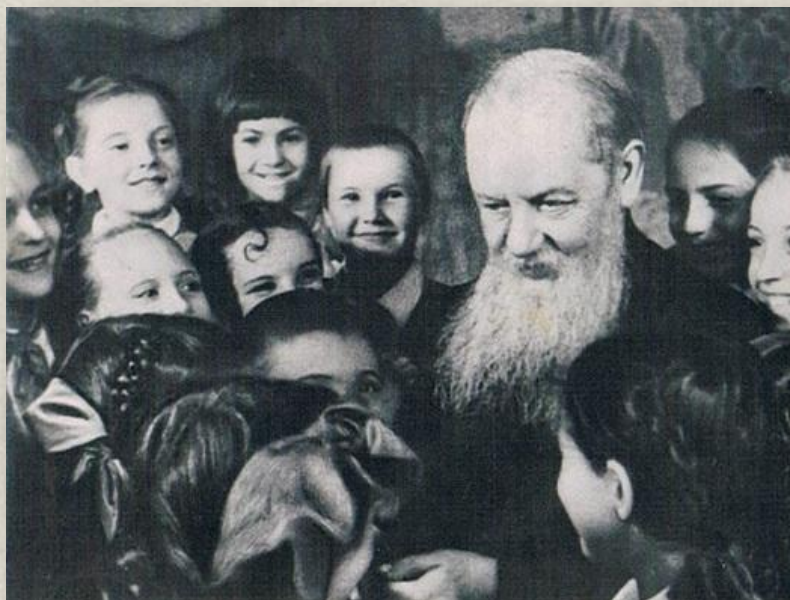

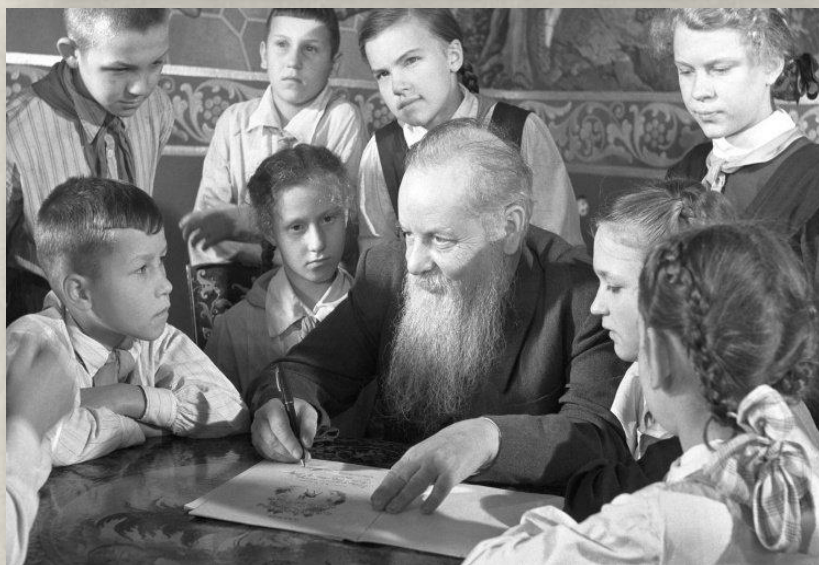
Меня часто спрашивают, помню ли я сказки, которые мне рассказывал в детстве отец. Нет, не помню. И старшие сестры тоже не помнят. Все, в том числе и я, с раннего детства знали пушкинские сказки и "Конька-горбунка", их отец читал нам наизусть и любил к ним возвращаться.

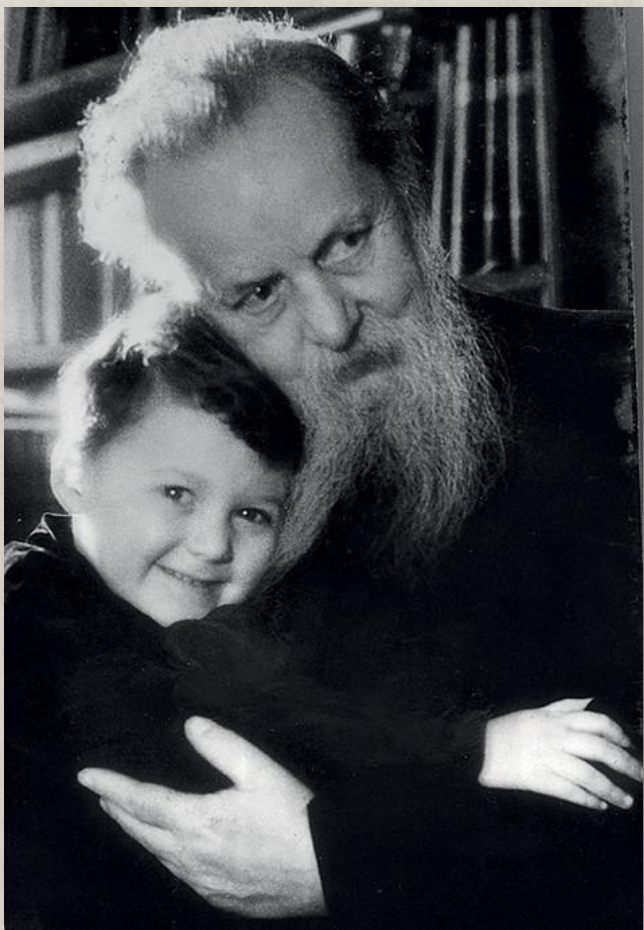
А его главными сказками для нас были рассказы о жизни. Этими рассказами были полны вечера в нашем доме. Они могли касаться истории Урала, встреч с людьми, поездок по старым уральским заводам или избирательному округу. Обо всем он умел рассказать увлекательно, ярко, весело и по-своему. Причем мы не чувствовали себя аудиторией, которая собралась послушать. Нет, мы себя ощущали участниками общего большого разговора о жизни и соучастниками рассказа

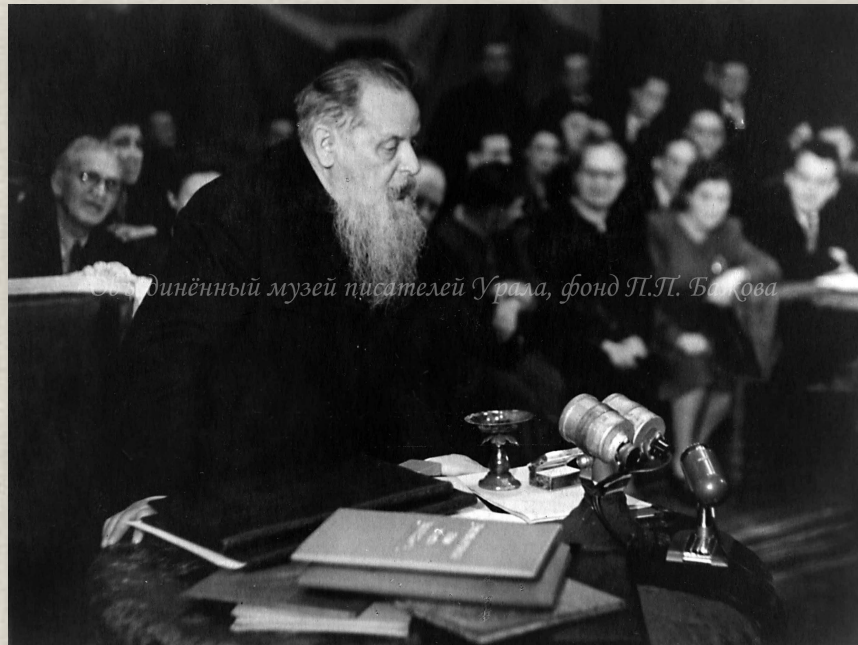
В книгах о Бажове часто пишут: "Он любил детей". Это справедливо, но только с одним оттенком. В детях он прежде всего видел людей и соответственно к ним относился. С детьми любого возраста он разговаривал как равный. Ни маленькой девочке, ни взрослому юноше он не говорил: "Ты еще маленькая, подрастешь - узнаешь". "Вы еще молоды и не можете знать того, что пережили мы, старики". Собеседнику любого возраста он давал высказать свое мнение и уважительно, с учетом возраста, отвечал.

Внук Никита был еще совсем мал, но и для него дедушка находил нужные и понятные слова. Никто не мог толком объяснить, почему день сменяет ночь, почему петушок бегают по снегу босиком, а дедушка мог. Как раз в последний год жизни деда Ника перепивал "почемучный" период. Все в доме уставали. "Ах, почему, почему!.. Не знаю я, почему!" - то и дело восклицал кто-нибудь, только дедушка терпеливо и подробно отвечал на все "почему", и Никитка, едва заслышав его шаги, радостно бросался навстречу: - Дедушка, мама не знает, а почему?.. Контакты с детьми устанавливались мгновенно. Часто ребята подходили к отцу просто на улице.

В 1949 году очень торжественно был отмечен семидесятилетний юбилей отца. В зале Свердловской государственной филармонии собрались друзья и читатели Бажова. Много торжественных и смешных подарков. Отец растроган, благодарен, взволнован. Начал он говорить медленно, как будто еще не знал, о чем сказать. Но и в этот торжественный для него день он не забыл о своих близких.

После юбилея отец заболел. Долго лежал в больнице, потом в зимнем санатории... Вернулся домой, но все ему как-то нездоровилось.

В последние годы жизни отца мы много и интересно общались. Хотя он был очень занят. Время его было заполнено поездками, встречами с людьми, обязанностями писателя и депутата Верховного Совета СССР, работой над сказами, но неизменно по вечерам вокруг него собиралась вся семья, и велся неторопливый разговор о том, что видели, что читали, о чем думали, что волновало в течение дня.

Десятого декабря 1950 года, в морозный день, похоронили отца на высоком холме, с которого виден Урал - леса и перелески, горы и пруды - все, что он любил, что всегда было дорого его сердцу, и вернулись домой. Еще пахло табаком, на столе лежала его трубка, а в машинку заправлено незаконченное письмо, но дом опустел.

С тех пор я прожила долгую жизнь, но глаза отца, то веселые, то печальные, добрые, пытливые, требовательные, живут в моей памяти, будто расстались мы с ним только вчера...

Ариадна Бажова-Гайдар

СПАСИБО ЗА ВНИМАНИЕ!

При составлении презентации были использованы интернет ресурсы.

Составитель библиотекарь МУ-ЗА-ЧИН Л.В.